

ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach

Instytut Językoznawstwa i Literaturoznawstwa

Принцип негативности в свете феноменологии.

Keywords: essence of negation, key phenomenon, antinomy, phenomenology of cognition, ethology, aspect of negativity.

Ключевые слова: сущность негации, ключевой феномен, антиномия, феноменологии познания, этология, аспект негативности.

Summary:

The article is devoted to phenomenological understanding of the principle of negation in linguistics. Irreducibility of this phenomenon to logical negation, its connection with the category of essence and its relevance in theological, philosophical and everyday cognition of the world and its embodiment in behavior and language of everyday life are substantiated. Relevance of negation for antinomy as a fundamental principle of the language and the way of cognition in the field of linguistic ethology is noted. Due to negation, pre-predicative reality becomes available for linguistics which is comprehended by art as a non-discursive way of world cognition.

Аннотация:

В статье предпринимается попытка осмысления сущности негации как одного из ключевых феноменов, а также сложной и многоплановой проблемы философии, логики и лингвистики. Обычно антиномия позитивного и негативного трактуется в логическом и семантико-прагматическом планах. Совершенно в другом свете предстает негация в феноменологии познания и этологии. Принцип негативности обнаруживается в повседневной жизни и составляет этическое основание воплощенной в слове сознательности человека. В аспекте негативности (непроявленности) познаются непостижимые дискурсивными методами и средствами области жизненного мира человека.

Цель настоящей статьи – обосновать феноменологическую сущность негации и перспективы ее исследования феноменологической лингвистикой

– Какой молодец!

– Ничего малый.

Л. Толстой *Анна Каренина*.

Негация и логическое отрицание

Заимствованный из диалектики Гегеля термин *негация* обычно отождествляется с отрицанием – логической и лингвистической категорией. В логике отрицание представляет собой одну из существенных операций в построении суждения. В лингвистике отрицание – значимая категория языка, обусловленная стремлением человека к дифференциации явлений действительности. Как и утверждение, отрицание пронизывает всю лексику и грамматику, имеет различные средства и способы выражения, сложную семантико-синтаксическую систему. Несмотря на наличие самых разнообразных способов и средств выражения, отрицание рассматривается как единая языковая категория, противоположная утверждению.¹ С точки зрения прагматики, негативное понимается в оценочном плане и является синонимом плохого: напр.: *негативные эмоции, негативные последствия, негативная реакция, негативное отношение*; ср.: *позитивные результаты, позитивные изменения, позитивные моменты* и т.п.

Совершенно другой смысл получает негативное в феноменологии. Феномен негации не принадлежит миру явлений и не связан с оппозицией утверждения и отрицанию. Принцип негативности востребован в познании сущностей, а не фактов. В отличие от бытия, которое является принципом полагания (позитивности),

«сущность есть принцип негативный (разрядка наша – В.С), принцип ограничения: через отрицание иных содержаний бытия сущность, с одной стороны, негативным образом ограничивает, выделяет данное конечное сущее из других; а с другой стороны, благодаря определенному характеру каждого отрицания, позитивным образом придает данному конечному сущему определенность содержания, смысловой образ данного конечного сущего»².

Феноменология преодолевает «налично данное». Негативное оказывается безличным и непроявленным. Аналогию непроявленному можно видеть, например, в

¹ Бондаренко В. Н., *Отрицание как логико-грамматическая категория*, Москва 1983.

² Корет Э., *Основы метафизики*, Киев 1998, с. 257.

технологии фотодела: *негатив* – «изображение на фотографической пластинке, в котором распределение света и тени обратно действительному; *проявить негатив*»; *спец.* «кусочек фотопленки, фотопластинка или иной носитель, содержащий инверсное (негативное) изображение запечатленной сцены» (МАС, 2, 431)³.

Характер негации инверсивный (обратный). Инверсия характерна для рефлексии. В феноменологии рефлексия – метод познания сознания: «сознание сознания, или самопознание» (Локк, Лейбниц), «*поворот* сознания на самого себя» (П. Щедровицкий). Э. Гуссерль связывает с рефлексией «возможность рефлексивного *поворота* взгляда, когда акты мысли становятся предметом внутреннего восприятия»⁴.

Негация – не логическое отрицание явления, а противопоставленная позитивной видимости антитеза – его *обратное*, ср. пол. *negatywny* (książk.) «odwrotny, przeciwstawny» (PSJP, 516)⁵. Инверсивная сущность негативности обнаруживается в слове *наоборот* – «вопреки сказанному или ожидаемому; напротив», «противоположно тому, чего ожидали и что хотели» (МАС, 2, 376), напр.: – *Ты меня не слушаешь!* – **Наоборот**, слушаю очень внимательно (Разг.); *Здорово, здорово у ворот Егорова. А у наших, у ворот, – все идет наоборот* (Из песни).

Позитивное «как»-проявление актуализируется в деятельности, напр.: *Он проявил себя как умелый организатор (блестящий специалист, квалифицированный сотрудник и т.д.)*. Проявленным «как» свидетельствуется историческая экзистенция бытия («как бывало») и устойчивость культурного обычая («как обычно»). Без «как» не обходится ни одна акция: *Пусть было, как было, – ведь как-нибудь да было! Никогда так не было, чтобы никак не было* (Я. Гашек *Похождения бравого солдата Швейка*).

Через негацию реципиенту становится доступным мир без определенного «как», в котором «все не так». Он не проявляется позитивно, но обнаруживается в познании и, по сути, не мыслим без познающего. «Не так» не предполагает альтернативу «иначе» (*так или иначе*). «Не так» – *по-другому*. Благодаря негации обнаруживается *другое* видимого мира (другое не по порядку, а в принципе другое). Оно не имеет признака истинности и осознается в своей подлинности. В сознании обнажается правда жизни, которая не открывается, как истина, а творится художественным словом.

Основным свойством позитивного «так» является кажимость: *Мне так кажется. Так мне показалось. Как кажется* и т.д. Несуществующие сущности (феномены) для

³ Здесь и далее: МАС – Малый академический словарь: *Словарь русского языка в 4 т.*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва 1981–1984.

⁴ Гуссерль Э., *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*, т. 1, Москва 1999, с. 164.

⁵ PSJP – *Popularny słownik języka polskiego*, red. A. Markowski, Warszawa 2002, с. 516.

реципиента не кажутся, а реально *есть* – присутствуют в его сознании, говоря о том, чем они не являются. Вопрос «А как же?» повисает в воздухе и превращается в философское вопрошание – воплощение уверенности («иначе и быть не может»), напр.: – *Василь, ты меня любишь. – А как же!* (И. Мележ *Люди на болоте*). Бессилие дискурсивного рассудка перед феноменом мудрого вопрошания отмечает И. Кант:

На долю человеческого рассудка в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят все его возможности⁶.

Негацией «не так» реципиент отрекается от причинно-следственного «мира ожидания» (М. Мамардашвили) и оказывается наедине с неинституциональной «для себя»-неожиданностью: – *А я – рад, – неожиданно для себя повторил Николай и сначала испугался, но тут же вдруг весь вскипел злою обидой. – Но я не понимаю... я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...* (А. Островский *Женитьба Белугина*). *Спокойно и плавно текут мои мысли, необычно это для меня и неожиданно [...]. Верю и не верю этой удивительной полноте души, неожиданной находке для меня* (М. Горький *Исповедь*).

Негативное «не так» антиномично утвердительному «так». Антиномический метод познания основывается на том, что сущность чего-кого-либо познается через ее «не явление»: *Нет, я не Байрон, я другой, Еще неведомый избранник...* (М. Лермонтов). *Нет, ребята, все не так, Все не так, ребята!* (В. Высоцкий). Негнация не дает точного знания, однако приближает к нам реальность, которая не нуждается в утверждении и подтверждении в силу своей очевидности.

Сущностное всегда оказывается недискурсивным (интуитивным) «не тем». В русской литературе с «не тем» особенно часто сталкиваются герои произведений Л. Толстого. Так, в XXIII разделе 2 главы романа *Воскресенье*, занимающем 3 страницы, негация «не то» встречается 7 раз:

Так что семейная жизнь оказалась еще более «не то», чем служба и придворная должность. Более же всего «не то» было его /князя Нехлюдова /отношение к религии. Он думал, что он верит, но между тем больше, чем в чем-

⁶ Кант И., *Критика чистого разума*, перевод Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным, Москва 1994, с. 371.

либо другом, он всем существом сознавал, что эта вера его была что-то совсем *не то* [...] Он больше чем когда-нибудь почувствовал все это «*не то*», и ему стало мучительно грустно (Л. Толстой *Воскресенье*).

Негативное «высшее» чувство не дает знания и определения. Оно или безмолвствует – ничего не говорит, – или возражает:

Но снова высшее чувство говорило *не то* и снова заставляло его искать и волноваться. [...] Вдруг, без всякой причины, на глаза ему навернулись слезы, и, бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, – мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире. Высшее чувство не говорило *не то*. (Л. Толстой, *Утро помещика*).

Негация не имеет системообразующих признаков и не является членом бинарной оппозиции. Так, в высказывании *Кровь людская не водица* (М. Стельмах) смысл слова *кровь* постигается через пассаж «не водица». «Не-А» не является ни лучшим, ни худшим (и вообще *никаким* не является), однако оно есть и обладает превосходством над «А» – включает в себя все другие буквы алфавита; и, как бесконечное, *превосходит* конечное⁷. Превосходное может быть спроектировано на шкалу оценки, однако, оно не существует как категория и не определяется логически. Его *признают* другие (напр., в титуловании – *Ваше превосходительство*).

Аспект превосходства стратифицируется параметрами, характеризующими иерархию и вертикаль власти – «под» (*низ*) и «над» (*верх*). Владеть кем-чем-либо – значит иметь власть *над* ним. Во владении подчинение сменяется послушанием («кто под кем ходит»); ср.: *подчиненный*, но: *подначальный*. Слова «верх» и «низ» – антиподы. Верх *не то*, что низ; сверху *не так*, как снизу. Определение верха сводится к тому, чтобы *не быть* низом.

Негативность имплицитно присутствует в многочисленных антиномичных сочетаниях, характерных для языка повседневности. Так, в паре *путь-дорога* статусом феномена обладает *путь*. Он осмысливается через то, чем не является, что «не-путь». Непутевость – легкомысленность, ветренность, безалаберность и т.п.: *Сколько всюду непутевых людей – пьяниц, лодырей, всяких шалопаев, а он разве такой* (А. Донских

⁷ Вышеславцев Б., *Этика преобразенного эроса*, Москва 1994, с. 260.

Отец и мать). *Матрена*. Да она сама **непутевая, по людям шляется**. Так, **потаскуха** (Л. Толстой *Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть*). По антиномичному принципу познаются также и другие феномены, напр., жизнь (*Разве это жизнь?!*), человек (*Не человек...*), бог (бел. *нябога*).

Негативная антиномичность оказывается не только воплощением подлинной сущности человека, но и обратной стороной языковой системы; «когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и сам язык»⁸.

Принцип негативности в недискурсивном познании

Благодаря негации высвечивается сущностное «никакое», т.е. никак не происходящее – «*ни так, ни так, ни так...*». Оно не дано как факт, однако со всей очевидностью присутствует в опыте непосредственного восприятия – «знакомством» (Б. Рассел), напр.: **Никак не ожидал тебя здесь встретить...**; **Ба! Никак, Петр Иванович...** ср.: **Никакой он не директор... Никакой он не бухгалтер** и т.д. (Разг.). Непроявленное «выходит за рубежи всякого возможного опыта и, тем не менее, кажется столь несомненным, что даже обыденный человеческий разум не возражает против него»⁹.

В отличие от всего известного, знакомое не рассчитано на понимание; оно познается. Смысл глагола *познать* обнаруживается в области реальности, выходящей за институциональные рамки: *познать самого себя, познать другого, познать жизнь, познать роскошь, познать подлинное блаженство* и т.д. *Каждый день дарит вам новое чудо, и каждый опыт является новой возможностью познать радость и любовь* (А. Могилевская *Я все могу!*). *Мы должны познать путь жизни, который будет очень отличаться от того, который определял наше мировоззрение до сих пор* (Ш. Гавэйн *Доверять себе*). Доминирующий аспект познания – богопознание («Все, что не есть богопознанием, грех» Ф. Аквинский).

Традиционная лингвистика исходит из положения, что язык является знанием, выраженным в системе понятий¹⁰. Феномены (сущности) принадлежат к области *познания*, а не понимания.

⁸ Флоренский П.А., *Антиномия языка*, [в:] Флоренский П.А., *У водораздела мысли*, т. 2, Москва 1990, с. 155-171.

⁹ Кант И., *Критика чистого разума*, перевод Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным, Москва 1994, с. 362.

¹⁰ Савчук Т.Н., *Оперирование понятиями как логическая основа эффективного обучения языку и речи*, «Русский язык и литература» 2012, № 5, с. 3.

Понимание – это законченное прошедшее время, предполагающее, что нечто разгадано, т.е. тем самым вопрос закрыт. Те, кто нам близок, всегда являются собой для нас открытым вопросом, они не постигнуты (не разгаданы) нами. Это объясняется именно тем, что такие люди близки нам, мы как бы располагаем ими «навечно» и не спешим постичь «до конца». Кроме того, любовь предполагает постоянное восхищение, связанное с этим удовольствием. Любовь – это познание, но не понимание, именно потому, что мы неосознанно остерегаемся связанного с пониманием прошедшего времени.¹¹

Фундаментальность негации в познании признается теологией. Характерная черта богословских текстов – сказать о неизреченном, «ухватить» словом сферу иррационального. С позиции апофатического богословия, божественную сущность невозможно выразить в позитивных определениях. В этой связи утверждается принципиальная дискурсивно-рациональная непостижимость божественного¹². Бог внеположен явленному миру и невыразим в положительных терминах. Путь богопознания есть абсолютное незнание Его¹³. Божественное, по мысли Псевдо-Дионисия Ареопагита, познается во мраке неведения; оно доступно тому, кто сам, «будучи за пределами всего», отказавшись от всякого знания, соприкасается с Неведомым, «ничего-не-знанием»¹⁴. Парадоксальны свидетельства Блаженного Августина: «Бог это Тот, Которого лучше всего познаешь, не зная Его». «Он Тот, о ком мы не имеем никакого знания, кроме того, что мы знаем, как мы Его не знаем». «Бог несказанен». Апофаза предусматривает отрицание всех Его позитивных определений: *немыслимый, невидимый, неслышимый, неизменяемый, непроявленный, нерожденный, лишенный образа, безначальный, бесконечный, «не это, не это»* и т.п.

Не менее парадоксален философский путь познания. В. Лосский пишет о совершенном незнании как о пределе познания. Реальность находится вне интеллектуального знания и непосредственно переживается в опыте¹⁵. Познание сущностей (феноменов) есть преобразование эроса – устремленность к преобразованию знания в незнание, в неизреченный опыт»¹⁶. Со времен Сократа известно, что человека мудрецом делает осмысление того, что он ничего не знает, ср.: «Ничего не найдено, – опять говорил

¹¹ Анчел Е., *Этос и история*, Москва 1988, с. 65.

¹² Лосский В.Н., *По образу и подобию*, пер. с фр. В.А. Решикова, Москва 1995, с.3.

¹³ Лосский В.Н., *Богословие света в учении св. Григория Паламы*, [в:] Лосский В. Н., *По образу и подобию: Сборник статей*, Москва 1995, с. 21.

¹⁴ Лосский В.Н., *cit. op.*, с. 349.

¹⁵ *Ibidem*

¹⁶ <https://mospat.ru/church-and-time/595#fn-595-18>, 28.08.2020.

себе Пьер, – ничего не придумано. Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости (Л. Толстой *Война и мир*).

Парадоксальность философского познания отмечает В. Кохан, профессор философии образования в Университете Рио-де-Жанейро (Аргентина):

Обычно, когда мы знаем что-то, это значит, что мы перемещаемся от незнания к знанию. В философии есть противоположное направление: мы перемещаемся от состояния знания к незнанию. Это похоже на парадокс. Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше знаем, тем меньше думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся. Философия – это движение от знания к мышлению.¹⁷

О непроявленной сущности, постигаемой в эйдосе музыки, пишет А. Лосев:

Эйдос музыки явил нам сущность, и сущность эта – несказанность, непроявленность и гилетичность [...]. Она – сущность, стремящаяся выявить *свой* лик. Она – непроявленная сущность мира, его вечное стремление к Логосу. Интеллект видит сущность мира сквозь лики, схемы и формы. Музыкальное восприятие обнаруживает обнаженную, ничем не прикрытую, ничем не проявленную сущность мира во всей ее нетронутости, несказанности.¹⁸

Иллюзорность облаченного в позитивную форму мира переживают поэты, поворачиваясь душой к негативной благодати.

Радуюсь громкому лаю,
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу (Н. Рубцов).

Чего хочу от жизни – *ничего*.
А этого у ней как раз с избытком (И. Губерман).

¹⁷ Кохан В., *Есть ли место философии в деятельности учителя*, [в:] *Учитель наедине с собой*, Санкт-Петербург 2014, с. 12.

¹⁸ Лосев А., *Музыка как предмет логики*, Москва 2012, с. 53-54.

Уж не жду от жизни *ничего* я... (М. Лермонтов)

Парадокс *Ничего* заключается в его интенциональности: оно есть *для кого ничего*. «Несуществующие сущности» (феномены) оказываются реальными и абсолютно очевидными для воспринимающего сознания. Все существующее имеет определенность, однако ничто не мешает человеку подойти ко всякой определенности со стороны негативности и настойчиво придерживаться негативного принципа. В *ничего* нем «такого»: *Ну, что ж, ничего, ничего, здесь нет ничего такого* (Н. Гоголь *Мертвые души*). «Никакое имя не применимо к нему; оно исключает любое определение, любое знание»¹⁹. Тем не менее, не существуя объективно, *ничего* есть для человека принципом восприятия и познания подлинной сущности мира. Его присутствие не вызывает сомнения: *Ну, как ваше «ничего»? (Разг.). Обращаясь к попутчикам, новый пассажир говорил с развязной фамильярностью, будто век знал их. Слова сыпал часто, с присвистом; – Приветик, хлопцы! Ну, как оно «ничего»? Едем, выходит? Красота! (И. Акулов В вечном долгу).*

Принцип негативности и повседневность. Негативная этика.

Негация оказывается архиважной в мире человеческой повседневности. На вопрос «*Как прошел день?*» самый приемлемый ответ – «*Ничего*» (т.е. благополучно). Феномен блага осмысливается в негативном ключе: – *У вас что-то случилось?* – *Нет, ничего не случилось* (ср. пол.: *Nic się nie stało*). Неслучайное благополучное «ничего» характерно для того, что проходит само, а не происходит по чьей-либо воли: *Утро до приезда доктора прошло благополучно* (Л. Толстой *Война и мир*). – *Надеюсь, путешествие прошло благополучно?* – *официально обратился он к Пульхерии Александровне.* (Ф. Достоевский *Преступление и наказание*). *Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно* (В. Арсеньев *Дерсу Узала*).

Проходящее не является ни процессом, ни действием. Это состояние, которое «никуда не идет», однако нерезультативно осуществляется «по ходу». Благом оказывается сам ход его: *Судя по датам, человек благополучно прожил длинную жизнь в девятнадцатом веке* (Е. Усачева *Остров призраков*). – *Вы говорите: как бог пошлет? – прекрасно-с! – вот вам и цель-с! Благополучно прошел день, спокойно – и слава богу! И*

¹⁹ <https://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/plotin/>, 06.08.2020.

завтра будет день, и послезавтра будет день, а вы – живите! (М. Салтыков-Щедрин *Современная идиллия*).

Вопросы «Как жизнь?», «Как поживаешь?», в сущности, не должны иметь позитивного определения («хорошо», «плохо», «нормально», «лучше всех» и т.д.). Не будучи ни к чему причастна и отнесена, жизнь сама по себе не предполагает позитивного определения-нарекания («*такая жизнь*») и приемлет только негацию: *Жизнь – не кино. Жизнь – это тебе не игра. Жизнь прожить – не поле перейти* и др. *Он оделся и повел меня показывать свое имение. – Ну, как ты тут поживаешь? – спросил я. – Да ничего, слава богу, живу хорошо* (А. Чехов *Крыжовник*). *Ничего* не предусматривает «хорошо»: *Игорь смял в руках кепчонку, русые, давно не стриженные, не мытые волосы торчали во все стороны. «Как дела?» – спросил Борис. «Ничего, хорошо», – Игорь обнажил в улыбке редкие зубы. «Хорошо – это хорошо. А ничего – это ничего. Опять проспали?» – «Нет, почему же? Не пускают в экспедицию»* (А. Рыбаков *Дети Арбата*).

Негативная сущность (то, что есть) в принципе не бывает хорошим или плохим. Его манифест – *ничего*: «*Ну, как дела? – спросил Колька Бирюков. – Как жизнь?*» – «*Ничего*, – ответил я. – *Нормально*» (А. Рекемчук *Мальчики*). «*Все ли в добром здоровье?*» – «*Да, все нормально*». – «*А жизнь как?*» – «*Ничего – живем да хлеб жуем*», – отвечал, улыбаясь, Чапурин (П. Мельников-Печерский *В лесах*).

Словом *ничего* отмечается незавершенная длящейся реальности, фактически не имеющей границ, однако, как все проходящее периодически, характеризующейся своими рубежами (вехами, этапами, станциями и т.п.). Предел негации манифестируются пассажем *пока еще* (пол. *na razie*, бел. *пакуль*): – *Живой, живой пока еще. Пока еще ничего не случилось. Он еще ничего. Пока держится* (Разг.) [Телеведущий:] *Вопрос, так сказать, человеческий: как жизнь?* [Ю. Никулин:] *Ничего. Как у нас в цирке говорят: «Как здоровье?» «Наливай!» Это значит: ничего еще»* (Из телеочерка *Все любят цирк*, 1991).

Неуловимая смысловая палитра слова *ничего* связана с проходящим и минувшим: – *Как прошли переговоры? – Ничего. Как прошла встреча? – Ничего. – Как все прошло? – Ничего. – Ну, как живешь, можешь?» – «Ничего* (Ф. Решетников *Ставленник*) и т.д. Словом *ничего* имплицитно подразумевается смысл бесследности проходящего («все пройдет»). Тот, кто говорит «*ничего*», ни в чем не убеждает собеседника. Им высказывается уверение: *Ну, сконфузился, да и концы в воду! Но это ничего – уверяю вас. Я сам понимаю, каким я теперь дураком стою перед вами* (Ф. Достоевский *Село Степанчиково и его обитатели*). *Худоцавый и низкорослый, Среди мальчишек всегда герой, Часто, часто с разбитым носом Приходил я к себе домой. И навстречу испуганной маме Я цедил сквозь кровавый рот: «Ничего! Я*

споткнулся о камень. Это к завтраму все заживет» (С. Есенин *Все живое особой метой...*); *«Ничего, это ничего, – всхлипывала Варя, утирая платочком слезы. – Это пройдет. Я, должно быть, утомилась... Мало спала...»* (Б. Можяев *Мужики и бабы*).

В слове *ничего* не звучит позитивно-оптимистическое успокоение («Все будет хорошо!»). Оно вселяет уверенность в светлое начало жизни: *На добрых глазах Лоры выступили слезы, верхняя губа ее задрожала, и она, всхлипнув, припала к плечу Анжелики. А Анжелика гладила ее по спине и говорила: – Ничего, девочка, все бывает. Сейчас война, и много нервных* (Ю. Герман *Подполковник медицинской службы*). [Соня (прижимаясь к няне):] *Няечка! Няечка!* [Марина:] *Ничего, деточка. Погогочут гусаки – и перестанут... Погогочут – и перестанут...»* (А. Чехов *Дядя Ваня*); – *Ничего, Михайло Потапыч, не сумлевайся очень-то: Бог не без милостей, казак не без счастья. Пронесет и нашу тучу мороком* (И. Мамин-Сибиряк *Верный раб*). *Ничего, отпустит денька через два* (Ю. Галанина *Пропавшая шпага*).

Благодатное состояние «ничего» манифестируется. Пример авторского манифеста – слова В. Высоцкого: *«Ничего, распогодится»*. «Погодное» состояние осмысливается фигурально – говорится о «безоблачном душевном состоянии», о «безоблачности (незамутненности) взгляда», о «безоблачной жизни»: *По временам он начинал веровать в постоянную безоблачность жизни [...]. Не было у него ни опухли у сердца, ни разу не волновался тревогой о том, увидит ли он хозяйку или нет, что она подумает, что сказать ей, как отвечать на ее вопросы, как она взглянет, – ничего, ничего* (И. Гончаров *Обломов*). Все, что кажется превыше благодатного состояния, называется словом-характеристикой *суета*: *Главней всего погода в доме, А все другое – суета* (Из песни).

Дисциплинирующая негация присутствует в состоянии «ни, ни»: – *Ну, Ваня, теперь учи! – таинственно сказал Сидор, чрезвычайно довольный своей выдумкой. – Только ни-ни! До именин, смотри, не проболтайся!* (И. Телешов *Дети*). *Притрагиваться ни к чему нельзя, ни-ни!* (А. Нотомб *Кодекс принца*). *Но при детях ни-ни* (Е. Ронина *Культурный конфликт*). *Но я ни-ни, вы же меня знаете!* (С. Изуграфов *Сумма впечатлений*). *И чтоб мне ни-ни... Я здесь командир, а не пастух* (В. Быков *Западня*).

Принцип негативности оказывается необычайно важным для выживания человека в самых бесчеловечных условиях. Так, в рассказе А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича* описан один день лагерной жизни («от звонка до звонка») обыкновенного заключенного («зэка»). Один день Ивана Денисовича, как думает он сам, прошел для него благополучно:

[...] в карцер не посадили, на Соцгородок (работа зимой в голом поле) бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу (получил лишнюю порцию), бригадир хорошо закрыл процентовку (система оценки лагерного труда), стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три.

«...*Не посадили*», «*не выгнали*», «*не попался*», «*не заболел*»; прошел день, «*ничем не омраченный*», *ничего* особенного не случилось. Восприятие и переживание реальности героем рассказа осуществляется по негативному принципу²⁰. Ситуация «ничего» в повседневной реальности проходит «на плюс». Интенции «все ничего, только бы не... (не заболеть, не споткнуться, не попасть и т.п.)» – самая насущная для жизненного опыта человека – серии повседневных ситуаций, в которых он оказывается.

Недеятельный принцип негативности характерен для поведенческой этики; обнаруживается, например, в смыслах глагола *обходить*, а также производных *обхождение*, *обходительность* (ср.: *Все обошлось благополучно*). Обходят молчанием «больной» вопрос, «острые углы», то, чего чуждаются: *Он с боязнью обходил таких дев* (Гончаров И. А., *Обломов*). Этикой приветствуется «неруш» – незатронутость (целостность).

В негации «ничего» присутствует фундаментальная характеристика поведения – сдержанность, ср.: *сдержанный* «такой, которому не дают проявиться в полной мере» (МАС, 4, 66). Искусство самообладания – в непроявленности («Держись. «Не поддавайся», «Не показывай виду»); ср.: *кремень* «о человеке, обладающем непреклонным характером» (МАС, 2, 124); Поведение человека по сути своей негативное. Воспитанный человек ведет себя так, словно ничего не случилось, и сознательно не замечает недостатки других:

Жестикулируя, он /Петр Петрович/ опрокинул рукавом соусник, и на скатерти образовалась большая лужа, но, кроме меня, казалось, никто не заметил этого. Когда мы возвращались домой, было темно и тихо.

– Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой, – сказал Белокуров (А. Чехов *Дом с мезонином*).

²⁰ Смысловым эквивалентом русского слова *благополучие* выступает пол. *potyśność*: *Szuchow uważa wieczór za wyjątkowo potyśny, jeśli wracając do żony zastae nie przetrząśnięte materace, jeśli w dzień nie było w baraku rewizji* (A. Sołżenicyn *Jeden dzień Iwana Denisowicza*).

Ничего – самое ходовое и «обходительное» слово русского языка. *Ну, а потом – ничего, обошлось* (Ф. Достоевский *Село Степанчиково и его обитатели*). – *Ну, как? Ничего. Выдержу. Мне не привыкать* (Из разг.). В этом слове звучит сдержанная похвала: *Хвалил /А. Реформатский/ сдержанно: «Ничего. Получилось. Бойкое перо, бойкое!»* (Н. Ильина *Дороги и судьбы*); *Засмеялись. И профессор тоже невольно засмеялся. И покачал головой. Нюра склонилась к нему, спросила: «Ну, как – ничего?» – «Ничего, – сказал профессор. – Хитер мужик, твой Иван. Хорошо выступает». Нюра была польщена. «Он умеет, когда надо...»* (В. Шукшин *Печки-лавочки*).

«Есть на языке нашем оборот речи, – писал П. Вяземский, – совершенно нигилистический, хотя находившийся до изобретения нигилизма и употребляемый доньше вовсе не нигилистами. «Какова погода сегодня?» – «Ничего», «Как нравится вам эта книга?» – «Ничего». – «Красива ли женщина, о которой вы говорите?» – «Ничего», – «Довольны ли вы своим губернатором?» – «Ничего». И так далее. В этом обороте есть какая-то русская лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно русское себе на уме»²¹.

В разных ситуациях употребления слова *ничего* преобладает аспект обходительной благосклонности: – *Как ты думаешь, Фома? – Ничего, ничего!* – благосклонно проговорил Фома, – *пригласите и Коровкина; пусть и он участвует во всеобщем счастье.* (Ф. Достоевский *Село Степанчиково и его обитатели*). Импрессия обходительности усиливается добавлением к слову *ничего* и другим этически релевантным элементам энклитики – *с*: */Мурзавецкая:/ Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь иссушил меня племянничек-то. /Чугунов:, Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться»* (А. Островский *Волки и овцы*); – *Совершенно не был в обществе, – отвечал я с необыкновенным воодушевлением. – Но это...я по крайней мере думаю, ничего-с... Я жил, то есть я вообще нанимал квартиру... но это ничего, уверяю вас* (Ф. Достоевский *Село Степанчиково и его обитатели*).

Не имея стратегического значения, слово *ничего* всецело принадлежит тактике вербального поведения человека. Сущность тактики сводится к имперсональному отрицанию своей значимости: – *Да я-то ничего; да зачем же ты сам такой сумасшедший, повеса такой? – Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчил, понимаешь ли*

²¹ Вяземский П.А., *Собрание сочинений в 10 т.*, Санкт-Петербург 1878—1896, т. 6., с. 404.

ты! – Ну, конечно, конечно... я ведь **ничего**... (А. Рекемчук *Мальчики*). Тактика имперсональной минимизации характерна в ситуации апеллирования к инстанции Другого. Его почитание осуществляется через самоуничижение – умаление достоинств собственной личности. Этот тактический прием восходит к практике составления челобитных. Неограниченная власть царя над своими подданными подчеркивалась в официально-деловых и частных челобитных на его имя уничижительно-нарочитыми модификациями имен писавших: «*пишет холопушка твой...*», «*молит тебя рабишка твой...*» и т. д.²²

Слово *ничего* оказывается уникальным инструментом создания этоса (условий) негоциаций. Владая им, говорящий нивелирует собственную значимость в глазах другого, и тем самым возвышает его: «*Проходите, сваточек, проходите!*» – *упрашивала Ильинична*. – «**Ничего**, благодарствуем... пройдем» (М. Шолохов *Тихий Дон*). «*Максим Максимыч, не хотите ли чаю?*» – *закричал я ему в окно*. «*Благодарствуйте, что-то не хочется*». – «*Эй, выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно*». – «**Ничего**, благодарствуйте...» (М. Лермонтов *Герой нашего времени*); [Крутицкий (оглядывается):] «*Что это они другого стула не ставят?* [Глумов:] «**Ничего-с**, я и постою, ваше превосходительство» (А. Островский *На всякого мудреца довольно простоты*).

В поведении человек придерживается исключительно негативного принципа – не доставлять другому хлопот, не беспокоить его по пустякам, не утруждать своим присутствием. («Я вам не мешаю?», «Не помешаю?»). – *Прошу прощения! Я, кажется, вас побеспокоил* (Н. Гоголь *Мертвые души*). – **Ничего, ничего**, *Фома, я не сержусь. Я знаю, что ты, как друг, меня останавливаешь, как родной, как брат* (Достоевский *Село Степанчиково и его обитатели*). **Ничего, ничего**, – *закричал Шумков, – я сейчас же и сажусь, сию минуту сажусь; ничего!* (Ф. Достоевский *Слабое сердце*). Этическое наставление старца Амвросия Оптинского исполнено в негативном ключе: «*Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем мое почтение*».

Таким образом, феноменологический подход к языку высвечивает область допредикативных смыслов и уверенностей человека, обретаемых им на пути негации. Феномен негации антиномичен логическому отрицанию и не составляет оппозиции утверждению. Негация востребована в области недискурсивного познания, осуществляемого творчеством. Негативной по сути оказывается этика и ее не проявленное поле смыслов, ориентированных на Другого и обнаруживающихся в жизненном мире

²² См.: Котошихин Г. О., *Россия в царствование Алексея Михайловича*, Санкт-Петербург 1906, с. 127; Волков С. С., *Лексика русских челобитных в XVII в.*, Ленинград 1974.

человека, а также в повседневном языке. Слово *ничего* обладает инструментальным статусом, выступает чутким «камертоном» поведения, в том числе и вербального.

Библиография

Анчел Е., *Этос и история*, Москва 1988.

Бондаренко В.Н., *Отрицание как логико-грамматическая категория*, Москва 1983.

Волков С. С., *Лексика русских челобитных в XVII в.*, Ленинград 1974.

Вышеславцев Б., *Этика преображенного эроса*, Москва 1994.

Вяземский П. А., *Собрание сочинений в 10 т.*, Санкт-Петербург 1878–1896, т. 6.

Гуссерль Э., *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*, т. 1, Москва 1999.

Кант И., *Критика чистого разума*, перевод Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным, Москва 1994.

Корет Э. *Основы метафизики*, Киев 1998.

Котошихин Г.О., *Россия в царствование Алексея Михайловича*, Санкт-Петербург 1906.

Кохан В., *Есть ли место философии в деятельности учителя*, [в:] *Учитель наедине с собой*, Санкт-Петербург 2014, с. 10-16.

Лосев А., *Музыка как предмет логики*, Москва 2012.

Лосский В. Н. *По образу и подобию*, пер. с фр. В.А. Рещикова. – Москва 1995.

Малинович М. В. *Ассерция. Негация. Причинность: взаимодействие категорий* [в:] *Логический анализ языка. Ассерция и негация*, отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Москва 2009, с.34-44.

Савчук Т.Н., *Оперирование понятиями как логическая основа эффективного обучения языку и речи*, «Русский язык и литература» 2012, № 5, с. 3-15.

Флоренский П.А., *Антиномия языка*, [в:] Флоренский П.А., *У водораздела мысли*, т. 2, Москва 1990, с. 155-171.

Vasili Siankevich

Principle of Negation in the Light of Phenomenology